

Конец. правда. - 1995. - 16 марта. - с 4

Владимир Машков:

«С женщинами я всегда откровенен...»

Весь год имя актера Московского театра-студии Табакова Владимира Машкова не сходило с газетных страниц. Главные роли сразу в трех замечательных фильмах: «Лимита» Дениса Евстигнеева, «Подмосковные вечера» Валерия Тодоровского, «Американская дочь» Карена Шахназарова. В Сан-Рафаэле во Франции Машков получил приз за главную мужскую роль в «Лимите», а картина Тодоровского идет в самых престижных кинотеатрах Парижа. На последнем «Кинотавре-94» Владимира Машкова провозгласили секс-символом года. А еще он в своем театре поставил нашумевший спектакль «Смертельный номер»...

— Как случилось, что ты оказался на съемочной площадке?

— Денису Евстигнееву не раз советовали не брать меня на главную роль в «Лимите». Новый русский многим представлялся почему-то неким лысым человеком с огромными плечами. Он, на мое счастье, не послушался доброжелателей. После фильма мы с Денисом стали друзьями. Это бывает редко.

— А действительно съемочная группа подарила тебе smoking?

— Ребята пошли и купили хороший smoking. Говорят: тебе идет, ты должен в нем ходить. Так и хожу. И чувствую себя в нем очень комфортно. Профессия наша хамелеонская. Я должен носить smoking, как будто всю жизнь и носил. У меня, правда, другие воспоминания из той, прежней жизни: «Беломор», портвейн, клеш... В родном городе Новокузнецке у нас, пацанов с завода, когда мы ходили на танцы, у всех была одна форма — темные брюки и белые нейлоновые рубашки. И вот представь себе, как сотни пацанов идут вечером по местному «Бродвею» — проспекту Металлургов. Веет чем-то из фильмов Феллини.

— Так ты, извини, и в жизни тоже лимита?

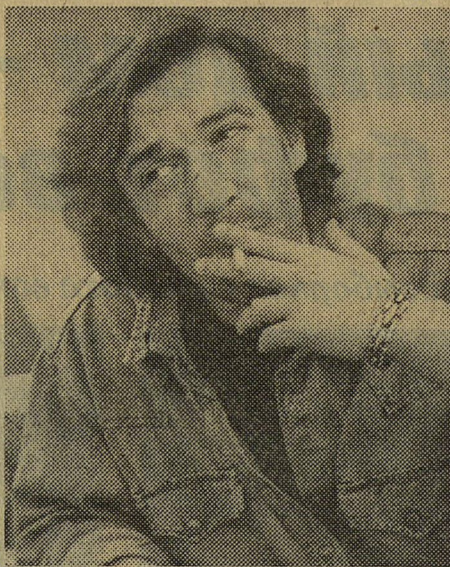
— Я не представлял себе, что буду жить в Москве. Для меня это была другая планета. До поступления в театральное училище я и был в Москве всего лишь один раз. С мамой-режиссером, приезжавшей на фестиваль кукольников. Мне лет двенадцать было. Мы жили в гостинице «Россия». От Москвы у меня тогда остался запах метро, апельсина и сосисок. Прекрасные такие московские запахи. А потом я учился в Новосибирском театральном училище. И если бы меня не выгнали, никогда не приехал бы поступать в Москву.

— А выгнали за что?

— Дрался часто. Максимум давал знать о себе. А такой цели — покори столицу — не было. Меня и в Москве выгнали. Работал в мастерских МХАТа, потом опять поступил — к Табакову.

— Как ты относишься к тому, что тебя записали в секс-символы?

Самый модный ныне актер в жизни далеко не плейбой, каким кажется с экрана

— Плейбоем я себя не ощущаю. Даже не очень понимаю, что это такое. Но я очень влюбчивый человек. И с женщинами всегда откровенен. Актеру, кстати, сложнее, чем сварщику (а я был сварщиком третьего разряда), завоевать сердце женщины.

— Тебе в фильмах везет на загадочных женщин — Кристина Орбакайте, Ингеборга Дапкунайте, Алиса Фрейндлих...

— С Кристей мы большие друзья, с Ингой тоже. Она, правда, покинула нас. Уехала в Англию. Вышла замуж за английского режиссера. Работает вместе с Джоном Малковичем. Уже, помоему, четвертый спектакль. В Алису Бруновну я тайно влюблен. На нее можно просто смотреть, и уже хорошо на душе. А в «Американской дочери» я снялся с Машей Шукшиной...

— А ты не боишься, что за тобой так и утвердятся амплуа героя-любовника?

— В «Американской дочери» я напрочь разбиваю свое прежнее амплуа. Мой новый герой — никакой не новый русский, не сердцеед. Шахназаров года три готовился к съемкам этой картины. На мою роль была масса претендентов. Даже Рутгер Хауэр.

— Ты легко переносишь съемки?

— Трудно сказать. Я очень смешливый. Меня, например, на съемке «Подмосковных вечеров» во время одной из самых трагических сцен просто выгнали с площадки, спрятали в другой комнате — я сильно смешил всех. Или когда я там убиваю, вроде бы такая жуткая сцена, но как мы смеялись. Иногда из-за какой-то чепухи начинаешь ржать, как сумасшедший. И почему-то в особенно напряженных сценах. Лишь однажды мне было совсем не до смеха. У меня так болел зуб, как никогда в жизни. Я не видел ничего, не слышал, перестал чувствовать. А по сюжету надо было копать могилу. Мы снимали ночью. Приехал один наш знакомый из

Дубны, где мы снимали фильм. Увидел, как я мучаюсь. И в три часа ночи нашел в Дубне новокаин, врача, привез его, и мне сделали какой-то безумный укол.

— В казино ты больше не появляешься. Угас азарт, денег нет?

— Неинтересно стало. И времени нет. Тем более что я чаще всего проигрывал. А этого страшно не люблю. Азарт же при мне. Вот на днях у меня права отобрали. Люблю быстро ездить. Наш фильм «Лимита» получил во Франции приз за лучший европейский дебют. Был большой праздник, я возвращался домой уже ночью. И попался какой-то сумасшедший гаишник со своим коллегой.

— А на какой машине ты едешь?

— На красной «восьмерочке».

— А для тебя принципиально важно — пить «Абсолют» или обычную русскую водку?

— «Абсолют» после «Лимиты» полгода в рот не брал. Там в последней сцене мой герой лежит на своем купленном заброшенном стадионе и заливает «Абсолютом» смерть друга. Тогда как раз у новых русских была мода на эту шведскую водку. Сначала мне, как и положено, налили воды. Я выпил, сделали один дубль. Денис Евстигнеев говорит: вроде бы нормально все, но что-то не то. Тогда мне налили водки настоящей. И я засадил полпузыря «Абсолюта» из горла лежа. Это был первый опыт в моей жизни — пить водку, лежа на спине. Думаю, этот трюк делали немногие. Водка попадает куда угодно — в мозг, в нос, в глаза, уши. Везде. Я был действительно пьян.

А вообще я очень люблю посидеть с друзьями на кухне. Салца порезать, огурчики, водочка из холодильника... Елки, сколько сразу всего в голову приходит. Кстати, именно в комнате общежития и родился замысел спектакля «Смертельный номер». Неделю назад я получил квартиру. И теперь,

когда друзья приходят, мы садимся прямо на полу. Что может быть лучше! Я ведь в общежитии прожил четырнадцать лет.

— За эти годы наверняка научился хорошо готовить?

— Я больше всего люблю вареную колбасу и яичницу. Жизнь по общежитиям отложила отпечаток на вкусы. Но готовить умею, особенно мясо и рыбу. Например, могу мойвочку так поджарить, что закачаешься. Каждая отдельно в мукe, с икрой. Или сварить к пиву креветки. Одно объединение.

— На первый свой гонорар ты купил попугая и газовый пистолет.

— Гонорар был тысяч двадцать пять. Иду в свободное время по рынку, рожа у меня такая уголовная. Мужичок один подзывает: оружие не надо за 5 тысяч рублей?

А на Птичьем рынке я увидел огромного какаду. И оставшиеся двадцать тысяч выложил за него. Ничего с собой поделывать не мог. Теперь Джека — мой большой друг. Когда мне плохо, он прыгает на колени и просит почесать за ухом, как кошка. А потом ко мне вдобавок залетел случайно еще один попугай, поменьше, с больной ногой. Я его вылечил, но он остался хромой. Вот и живем вместе. Они, как клоуны, смешат меня. А я тоже клоун. Так что нам живется весело. Еще бы вот получить статуэтку Оскара. Вставать по утрам и просто смотреть на нее. Обожаю призы получать. Есть такая слабость.

— А когда на душе мутно, и водка не помогает, и все вокруг осточертело...

— Тогда я буду тупо лежать у телевизора, переключая каналы. Или просто рыться в книгах. Обожаю это. Кстати, копаться в библиотеке было любимым занятием Карла Маркса. Или поеду к друзьям, которых давно не видел. Но слушать птиц в лес не хожу. Не получается так, что вот у меня депрессия, я лег и отдался полностью этому чувству. Тут же раздается звонок или просто надо бежать на репетицию. Я знаю, что не должен терять энергию, иначе лишусь всего. Я только в сильном запале могу что-то делать.

— Актеры ныне тусуются кто вокруг «Кинотавра» и его вдохновителя Марка Рудинштейна, кто вокруг «Кишока» и Виктора Мережко, а кто, как Олег Меньшиков — одинокая звезда.

— Я одиночество абсолютно не терплю как в киношной жизни, так и в настоящей. Еще когда жил в Сибири, то часто летом пропадал в одном лесничестве. Там был очень хороший друг — старик лесничий. И когда он уезжал к родне гостить, я на месяц-полтора оставался один в тайге. С тех пор не переношу одиночество. Люблю, когда вокруг много людей. Я лицедей...

Николай ЕФИМОВИЧ.

Фото Вячеслава ПОМИГАЛОВА